

лискианъ царь ѣздаше яко с хытростию на колесницѣхъ снузѣи. царь же повелѣ въставшу ему изути его из царьскихъ сапогъ и самому са обуви. сему жъ въсклоншуся и на Василиа взирающе, с яростию царь повелѣваше се створити. Василию же поманувшу ему, обуса в черленя сапогы, глагола же царь с клатвою к Василию: паче тебе и лучее сапоги си сут подобни. ли не имам власти, иже тебе створих царемъ, иного створити?» (Истрин, ук. изд., стр. 516). В Повести эпизод этот переименован, в него вложен иной смысл и приурочен он к Василию целиком: «царь же Василей поиде ко царю Михаилу . . . царь же Михаил не воста с места своего противу царя Василиа, посаженника своего, и повелѣлъ царю Василию с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: не подобает царю царя розувать и обувать, царь царю по достоянию честь воздает. Царь же Михаил рече: аще не снимеши башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить. Царь же Василей не могъ ничемъ отвятца и сотворил ухищрение — снял башмакъ с ноги и опять положил» (Унд. 942, л. 4 об. — 5). Несмотря на самостоятельность в построении эпизода и сходство между Амартолом и Зонарой в его изложении, можно думать, что автор Повести имел перед собою (либо в памяти) текст именно Амартола, а не Зонары, на что указывают подчеркнутые в цитате слова: они восходят к сказанному именно у Амартола, но в ином месте и в иной связи: кесарь Варда оскорблен непочтением паракинумена Дамиана, не вставшего с места, когда Варда входил в палату, на что он и приносит жалобу царю Михаилу, который за это и приказывает заточить Дамиана в монастырь (см. у Истрина, ук. изд., стр. 511 к концу). Здесь, как это не редко у автора Повести, то, что относилось в подлиннике к Варде, отнесено на долю Василиа; ни у Зонары, ни в Хронографе подобной заметки о Варде не встречается.

III. Убиение царя Михаила:

Зонара

Пришьдъ (Василий) поеть съ собою злосѣвѣтницы оны, съ нимиже клѣтовънь бѣ, и пришьдъ съ ними, въсхотѣ вниити въ чрьтогъ, клѣврѣти же възбраняху сему, и сице борещимсе мѣжду собою, быше глаголи и мльва, и убудисе царь.

Амартол

Василии напрасно къ дверемъ прииде, инѣхъ с собою вода, двери отверзе. Игнатии же съ трепетомъ ишед, Василееви вниити възбранаше. Българин же и Петр, под пазухою Василеевою пришед, къ ложу цареву устремиса, егож Игнатиемъ бораса с ним царя